

**Пятый всероссийский конкурс одного стихотворения гражданской лирики
имени Н.А. Некрасова**

Борис Скотневский (первое место и премия)

г. Тольятти, Союз российских писателей

МОРОЗ

В. Я. Курбатову

Славный денек по российским понятиям, —
Холодно, правда, и птицам, и братьям
Меньшим, и людям, что водки не пьют.
Только не мне, потому что я в форме, —
Тяпнул по самой умеренной норме —
И на душе, и в округе уют.

Экий мороз, — не опишешь словами, —
Снег не скрипит, а визжит под ногами,
Солнце, но дымкой подернута даль —
Это вода замерзает живая
В воздухе остром, как сталь ножевая
Тонкая, ломкая, стылая сталь.

Зябнут и щеки, и уши, и зубы,
Пара густого косматые клубы —
Даже дыхания не утаишь.
Каждое слово суть облачко дыма,
С губ соскользнувшее неповторимо
И отлетевшее в белую тишь.

Экий мороз, — и томит, и кусает.
Даже не верится в то, что оттает
Почва родимая в теплых лучах,
В то, что трава молодая пробьется,
В то, что живая вода засмеется
В синих, веселых, весенних ручьях.

Славный денек по понятиям российским,
Холодно, правда, далеким и близким.
Вот и меня пробирает всерьез.
Вот и меня достает понемногу.
Вот я терпенье зову на подмогу, —
Тру деревянные щеки и нос.

Только по мне упоительный холод, —
Слышать, как снег оглушительно молод,
Видеть, что дым вертикальней трубы.
И понимать, что тепло неизбежно,
И обнимать свою Родину нежно,
И согреваться от каждой судьбы.

Евгений Каминский (второе место)

г. Санкт-Петербург, Союз писателей Санкт-Петербурга и Союз российских писателей

ТРИПТИХ

1

Не помню, чтоб рвался к свободе за сорок морей.
И даже когда здесь давил нас антихрист, нахрапист,
я шел от свободы, зовущейся грозно Хорей,
к свободе, носящей печальное имя Анапест.

А если и думал бежать, свою долю кляня,
брал в руки цилиндр, то оттуда вдруг — заяц и птица!
Спасибо Господь без прикрас открывал мне меня,
и, глядя окрест, я уже не дерзал откреститься...

Лишь в этих пределах, где черное море скорбей,
ознобный восторг перед небом не ведал предела...
Что, скажешь, не дело — смешаться с толпой голубей
и крохи клевать, не заботясь? — Великое дело!

Но самое важное в этом вопросе, поверь,
у неба глаголы вымалывать, дышишь покамест...
Пока, спохватившись, за горло не взял тебя зверь,
чтоб вырвать из сердца с корнями Хорей и Анапест...

2

Если дерево всякого нрав узнают по плодам,
то как родину мне понимать в современном формате?
Я ее ненавижу бы должен. Но жизнь ведь отдам
за калитку, скрипящую жалче, чем скрипка Амати.

Наверху — чур меня! — что за чуди расселись теперь?
Как отважилась править *бескрайним* варягов орава?!
Нет, с дремучими этими: Юрьевец, Вычегда, Тверь —
и суровые ангелы еле справляются, право.

Что за мода пошла на порок и в степи, и в тайге,
на пустую манеру молоть языком молодежаво?
Иль нужда с латинянами быть на короткой ноге
выше правды оплаченной кровью твоею, держава?

Чем со всеми быть в стае, уж лучше одной — против ста.
Ибо тем ничего не престало страшиться на свете,
кто, быть может, и жив лишь затем, чтоб стоять за Христа,
с сожалением глядя в глаза удивленной планете.

3

На державу скорбей, на бурьяном поросшую, вскоре,
на плывущую эту во мраке времен наугад,
неизбежное утро надвинется с миром, как море
на кренящийся круто, волною разбитый фрегат.

И тогда комендоров, стрелявших прямою наводкой
по обителям горним и сгнивших в бесславии уж,
Бог восставит из праха (хотя бы из хлеба и водки!)
для последнего плача среди моря загубленных душ.

Как из грешника, впавшего в жгучую воду крещенья,
вдруг выходит пророк, чтоб к народам направить стопы,
так и целый народ, переросший желание мщенья,
не вмещается больше в дешевые рамки толпы.

Научаясь молению до пота кровавого, снова
постигая глагол *возлюби* и шепча: *не убей!* —
видит свет нестерпимый он грозно встающего Слова
над бурьяном могил, над бескрайней державой скорбей.

Геннадий Калашников (третье место)
г. Москва, Союз российских писателей

СТИХИ О ВОЙНЕ

*В мои годы отец воевал на войне,
и в атаку ходил на горячей броне...*

Вот так задорно я когда-то хотел написать
о войне, об отце...
Не получилось...

Помню отца во фронтовой шинели,
которую он донашивал после войны...

Помню снаряды,
угрюмо лежащие по берегам кроткой речки Вырки.
Сколько мальчишек погибло, пытаюсь разобрать их...

Помню братские могилы, заросшие высокой травой.

Помню мужиков нашей деревни в вылинявших гимнастерках.
Они сидели на бревнах, курили и разговаривали о войне.

Из разговоров получалось, что война веселое занятие -
кто-то "спикировал" с мотоцикла головой в песок,
кто-то не ел три дня, зато потом
вдоволь нажрался трофейной мамалыги...
- Да, в Румынии дело было...
- А у нас в полку был случай...
- Когда мы ночевали в венгерском дворце...

Сплошные приключения.
Ни о крови, ни о боли, ни о грязи войны...

Отец только один раз
сказал, что не хочет говорить о войне.
Тогда-то я и услышал о крови, боли, грязи...

Он был сельским учителем.
Часто к нему приходили взрослые,
он долго говорил с ними,
потом писал письма в Верховный суд,
в часть, где служил чей-то сын, еще куда-то...

Годы спустя, когда мы приезжали в нашу деревню,
ему не давали проходу,
выбегали из домов, догоняли на улице:
- Николай Николаич, помните меня? Я Рая Матюхина...
- Николай Николаич, а мой Васька-то сейчас в Туле...
- Николай Николаич, зайдите ко мне...
- Николай Николаич, зайдите ко мне...

Он старел, читал книги, солил огурцы,
вспоминал детство, ворчал на нас с братом,
не говорил о войне,
даже 9 мая, когда надевал свои награды.
Не говорил о войне.

Это я чего-то строчил о горячей броне...

Как ты там? В глубине, в вышине?
На какой ты воюешь войне?
Что ты слышишь в огромной своей тишине?
- Николай Николаич, зайдите ко мне...
- Николай Николаич, зайдите ко мне...

Ирина Кудряшова

г. Владимир, Союз российских писателей

ВОКЗАЛЬНЫЙ СПУСК

Я твёрдо маршрут этот знала
Лет если не с трёх, так с пяти.
Доехать до спуска к вокзалу,
А после под аркой пройти,

И лестницей вниз, и налево.
Там домик, второй от угла.
Старушка в нём, старая дева,
Моя няня Лёля жила.

Её жениха расстреляли

Во время гражданской в Крыму.
Жила она в полуподвале,
Верна жениху своему.

Жильё чистотою сияло,
А печка в углу – белизной.
И были тверды от крахмала
Салфеточки вязки ручной.

Она большей частью молчала.
Лишь спросит с улыбкой: «Чайку?»
Когда же я с места вставала,
«Ведь вот погостила как мало!» –
Всегда сокрушалась...
Клюку
Брала и меня провожала.
Тихонечко шли мы вдвоём
До лестницы – спуска к вокзалу.
Она для неё представляла
Непреодолимый подъём.

Взбегая по лестнице шаткой,
Я знала, что машет вослед
Она мне. И крестит украдкой.
Лет тридцать уже её нет.

Есть новое зданье вокзала,
Дом новый, второй от угла,
Бетонною лестница стала
(А раньше дощатой была).
Но вверх по ней старым маршрутом
Иду я с любовью такой,
Как будто бы Лёля внизу там.
И крестит, и машет рукой.

Александр Авдеев

г. Ярославль, Союз российских писателей

* * *

Ветер тепло выдувает из храма –
Мало ли в срубе пренищих щелей.
Стужа зимы наступает упрямо –
Что же осталось: гляди веселей!

В детстве из дома смотрел на руины
Храма, где службы проводим теперь.
Нынче смотрю я на дом свой родимый,
Где заколочены окна и дверь.

Храм подновили, а дом развалился,

И не грустить невозможно о нём.
Верно, не очень усердно молился
И не воздвиг вместе с церковью дом.

Ветер тепло выдувает из дома.
И не грустить невозможно о том.
Стужа зимы наступает знакомо:
Как воскресить сразу церковь и дом.

Снова стою перед иконой склонённый,
Глядя на вьюгою дом продувной.
Будут и церковь, и дом обновлённый,
Только, мерещится, в жизни – иной.

Виктор Есипов

г. Москва, Союз российских писателей

* * *

Всё можно проверить по датам –
как время несло над страной,
как ехали мы в сорок пятом
в Москву из Ташкента домой.

Сначала – полынные степи
и справа за ними Арал,
а дальше – родимые крепки,
которых еще не видал.

Мы жадно в окошки глядели –
под грохот державных колес
сливались в мелькании ели
в прожилках от белых берез.

Мелькали платформы, селенья,
огни, полутемный вокзал...
Всё помню восторг, умиление,
что сам, как и мать ощущал!

Под веянье красного флага
то солнце в окошках, то дождь...
Ни дела врачей, ни Гулага
и Сталин – не изверг, а вождь.

Евгений Петропавловский

г. Краснодар, Союз российских писателей

* * *

На склоне заката, облитого кровью реликтовых птиц,

седлают коней казаки из далёких небесных станиц –
сбиваются в стаи и мчатся в тиши, и верстают маршрут
в неверные сумерки, в пыль уходящих минут;
черны их бешметы, черны сапоги и папахи черны,
и только в зрачках – сумасшедшая сталь восходящей луны...
Ни гика, ни стука; не звякнет нечаянно бранная снасть –
как будто и звуки боятся на тёмную землю упасть.
Несутся безмолвные сотни к мерцающей первой звезде
по мёртвому Дикому Полю, которое ныне – везде.
Вдоль гиблых лиманов, отравленных рек и бесплодных полей
размашистой рысью, а после – намётом пускают коней,
безудержно мчат по украинным вехам родимой земли,
которую в сечах с врагом нестрашливо они берегли,
пока не припела пора уходить на небесный кордон...
Летят казаки, словно лютая память грядущих времён.
Мелькают, мелькают копыта, едва ли касаясь травы.
Когда б супостат повстречался – ему не сносить головы;
но нет никого: ни чужих, ни своих, ни великой страны –
лишь Дикое Поле... И чёрным потоком – под сенью луны –
подобные стаду могучих кентавров, летят казаки
по следу былого, по древнему космосу русской тоски...